ОБВАЛ НА ПРИИСКЕ

— Па-па! Па-па! Цяй пить!

Так, почти ежедневно, протяжным картавящим голосом двое малюток лет трех и четырех, подойдя близко к борту разреза, вызывали своего отца, работавшего в этом разрезе, пить чай.

Все рабочие давно уже привыкли к этому призыву малюток и хорошо знали, что вслед за вызовом последует и звонок с конного двора, находящегося неподалеку от разреза. Так было всегда, и рабочие, даже часто не дожидаясь звонка, шли на чай, отойдя каких-нибудь десять-двенадцать сажен от забоя, они действительно слышали звонок.

Такая точность в определении детьми времени, положенного рабочим на чай, объяснялась тем, что отец их имел в своей недалеко от разреза расположенной маленькой, собранной из разного хлама избушке ветхие стенные часы — остаток прежнего довольства.

Часы эти он тщательно сверял с часами почти рядом стоявшей с его избушкой большой конюховской казармы, и всегда наказывал жене минуты за две до звонка посылать своего любимого сынишку Ваньку звать его из разреза. Обыкновенно с Ванькой выходила в качестве телохранительницы его сестренка. Подойдя к разрезу, дети начинали звать отца.

— Па-па! Па-па! Иди цяй пить!

Могучий, здоровый, ростом в косую сажень, а в крыльцах, как говорится, — аршин, всеми рабочими любимый за свою физическую силу, отвагу и мягкий веселый товарищеский характер, Григорий Санин подходил, бывало, к детям, садил их на одну руку и звонко, беззаботно смеющихся уносил к себе в убогую избушку.

Нередко дети выходили во время работ к борту разреза и, усаживаясь на виду у всех рабочих, перекликались с ними. Редкий рабочий не задавал Ваньке какого-либо вопроса. Часто вопросы эти не отличались особенной скромностью и вызывали между рабочими взрывы смеха. Но на прииске свои, совсем особые понятия о педагогике. Ванька, наученный отцом или его товарищами, не оставался в долгу у них.

— А ну-ка, Ванька, катни их, — говорили золотоискатели, и Ванька своим лепечущим и картавящим голосом выкрикивал ругательства, а команда, выражая удовольствие, гоготала на весь разрез.

— Ай да, Ванька! Молодец у нас Ванька!

И малютка в своей младенчески чистой невинной душе торжествовал победу. Бедный ребенок еще не понимал всей горечи жизни и не знал, что жестокая судьба готовит ему удар.

Стояли теплые мартовские дни. Солнце особенно сильно пригревало среди дня, и в громадном торфяном разрезе Степановского прииска от таявшего снега — лужи воды и грязи.

В разных местах разреза везли беспрерывно на отвал торф, и по мостовой сплошной вереницей шли лошади. Стоял шум и грохот, слышалась всюду брань, сыпались удары на стонущих от тяжести и выбивающихся из сил лошадей. Казалось, что какое-то чудовище спустилось на этот заброшенный в тайгу клочок земли и старалось всеми силами завладеть тем кладом, который был тут засыпан матерью-природой. И земля эта уже орошалась пóтом, слезами и кровью людей и животных. И много еще будет пролито пота и слез, пока золото не будет извлечено из недр земли.

Сквозь шум и грохот четко прорывались острые металлические звуки ударов тяжелых пудовых балд о забиваемые в мерзлую землю большие железные клинья.

В одном углу разреза была мерзлота, и там на безурочной работе было, сравнительно с другими забоями, больше народа, мерзлую землю отбивали большими толстыми ломами и откалывали клиньями, проводили наверху глубокие горизонтальные борозды и делали врубы внизу. Но работа не продвигалась вперед, усилия людей были бесплодны.

А между тем, угол этот во что бы то ни стало нужно было гнать вперед. Мерзлоту ночи три подряд таяли огнем, и приисковая администрация распорядилась и сегодня на ночь положить пожег. К забою беспрерывно подвозили дрова.

Наступил вечер. Урочные работы в разрезе были окончены. После кипевшей жизни разрез опустел и казался сиротливым. По разрезу бродили плотники и исправляли сломанные за день тарадайки, да на злополучной мерзлоте человек двадцать продолжали еще работать, и металлический звук резче раздавался в пустынном теперь разрезе.

Здесь были сгруппированы все разрезные служащие, и у каждого было дело: кто распоряжался пробивать «проухи», кто подрубать «подкалку» и накладывать под забой и в борозды дрова. Словом, все напрягали свои силы, стараясь скорее закончить надоевшие за день работы.

Когда уже все было готово и оставалось только поджечь дрова внизу, четверо рабочих, в том числе и известный уже нам Григорий Санин, забивали еще к забою колья, чтобы дрова во время горения не могли раскатиться.

Вдруг у стоявших на верху забоя вырвался страшный крик:

— Берегись!!! Прочь! Берегись!!!

Но было поздно. Две оторвавшиеся громадные глыбы мерзлой земли перекатились через Санина и его товарищей.

На земле около забоя без признаков жизни лежали распростертыми четыре тела. Солнце в последний раз озарило их своим сиянием и скрылось за горы.

Полетели гонцы на главный стан к управляющему, в больницу, за стражниками, и через четверть часа весь прииск знал и был удручен происшествием.

Злополучный разрез и борта его были сплошь усеяны народом. Женщины плакали навзрыд, команда грозно гудела, слышались проклятия и угрозы по адресу администрации прииска.

Но вот вихрем пролетел управляющий, за ним бешено мчался фельдшер, а далее сломя голову бежали вооруженные с ног до головы стражники.

Послышалось грозное приказание:

— Прочь! Отойди! Не мешай!

Рабочие злобно роптали. В сумерках что-то нависало страшное и, казалось, недоставало только искры, чтобы разразиться страшной грозе.

— Что?! Молчать! Я отвечаю здесь один за все, а не вы! Кто говорит?!

— Мы все говорим! Если бы вы жалели нас, этого бы не было, а то вы нас хуже скотов считаете. У вас собаки лучше нас живут, — кричали рабочие.

Фельдшер и стражники осмотрели пострадавших. Двое из них были убиты наповал, двое были изувечены и издавали теперь ужасные стоны.

Были поданы лошади, и когда убитых и искалеченных положили поодиночке на сани, из толпы вырвалась с маленьким ребенком на руках женщина и бросилась с истерическими рыданиями на одни из саней. Это была мать знакомого нам Ваньки — жена Григория Санина.

Печальный кортеж в сопровождении огромной толпы народа двинулся по направлению к больнице. На санях лежала женщина, обняв своего убитого мужа, и горько рыдала. А Ванька сидел рядом с отцом, довольный поездкой, и думал ли что? Об этом знала только его чистая светлая младенческая душа.

Тяжело было смотреть на эту полную глубокого горя картину. Было темно и холодно.

По поводу обвала было произведено следствие, и администрация прииска отдана под суд.

Вдова Санина с детьми жила еще пока в избушке на борту разреза, получая от приискового управления только необходимое для того, чтобы не умереть с голоду.

Приближалась Пасха. Было тепло. Работы развернулись на полный ход, и опять разрез был полон рабочих.

В один день, около вечернего чая, с борта вдруг разнеслось:

— Па-па! Па-па! Иди цяй пить!

У многих рабочих выпал из рук инструмент. Возчики остановили своих лошадей, и как бы пораженные электрическим током замерли на месте.

Многие плакали…

Ваньку с матерью назавтра же перевели в другое помещение.

РАСЧЕТ ПРИИСКОВЫХ РАБОЧИХ

I

Поздняя осень. Тайга потеряла уже тот чарующий вид, какой она обыкновенно имеет во время лета, когда ярко-пестрые ковры всевозможных цветов покрывают долины стремительно бегущих речек и склоны высоких, крутых, террасовидных гор. Теперь вид тайги поражал своею мрачностью, всюду веяло холодом, казалось, все кругом мертво.

Далеко в глубине беспредельной тайги, в одной из долин расположился большим станом, теснясь и упираясь по бокам в надвинувшиеся горы, один из богатых золотых промыслов. Раннее утро. Одно из многочисленных зданий приисковых построек было окружено большой толпой народа. Люди всех возрастов, начиная от двенадцатилетних и кончая дряхлыми стриками, одеты были в грязные рваные армяки, другие же — в короткие, похожие на арестантские, такие же рваные, шубы. На себя обращали внимание всевозможного цвета шарфы. У некоторых были надеты на спине тощие, холщовые котомки со всякою рванью, составляющие весь пожиток приискового рабочего; у других они лежали несколько поодаль от толпы, в общей куче. Это был общий расчет рабочих. Заканчивались все приисковые работы годовой операции, и начиналась новая.

Люди то подходили к открытому окну конторы, то отходили от окна в толпу, передавая товарищам какие-то замечания по адресу и конторы, и управляющего, и всей администрации прииска, включая одетого в форму полицейского стражника, строго охранявшего запертую дверь конторы и удерживавшего более нетерпеливых на почтительном от себя расстоянии.

Наконец, был объявлен расчет. Люди заколыхались, загудели, и плотной толпой обступили и крыльцо, и окна конторы, прижав к самой стене здания более старых, изработавшихся и тощих людей.

Размеренно точным темпом выкликались по алфавитному списку фамилии рабочих, иногда из дальних рядов; с трудом пробираясь в толпе, они подходили на вызов к окну и, получив паспорт и деньги, отходили от толпы в сторону, бережно укладывая полученное тяжелым трудом, добытое за всю нескончаемо длинную приисковую операцию.

Получившие расчет группировались человек по пяти, десяти, и даже были одиночки и, прощаясь с оставшимися в зимовку на прииске товарищами, уходили к первому приисковому зимовью-этапу, откуда они должны спуститься вниз по реке на лодках до жилых мест.

Расчет продолжался. Рабочие по-прежнему выкликались через равные промежутки времени. Административная машина прииска в этом случае работала безукоризненно.

Так же точно выдавались в окно деньги без паспортов и выдавались, наоборот, без денег паспорта. Были случаи, когда ни того, ни другого не выдавалось. В это время ход административной машины замедлялся, обиженный и ничего не заработавший, даже должник, рабочий умоляющим взором просил о помощи на дорогу, и быстро выброшенная ему трехрублевая кредитка на путевые расходы восстанавливала нарушенное равновесие.

Претензии на неправильный расчет были редки. Расчетные книжки каждый месяц выдавались на руки рабочим при выписке по ним из приисковых амбаров необходимых предметов потребления; они, конечно, знали свой заработок. Но так или иначе претендующие на неправильный расчет рабочие

приглашались явиться в контору, чтобы не задерживать сотни других. Разумеется, в конце концов, в контору никто не являлся. Все спешили скорее покинуть надоевший за долгое время прииск, вздохнуть на просторе тайги полною грудью и отдаться впечатлениям долгожданной свободы. А главное — нужно было запастись заблаговременно местами в лодках, так как иногда, в годы сокращения зимних работ на приисках или в годы обильных урожаев, обеспечивающих относительно дешевое содержание в деревне, скопление рабочих на таких пристанях-зимовьях бывает настолько значительно, что прибывшие крестьяне-лодочники не в состоянии взять их всех. И тогда места в лодках берутся прямо-таки с бою за очень высокие, сравнительно с заработком рабочего, цены. Такой именно случай имел место в описываемое нами время.

II

Свободно и вольно рабочему после тяжелой приисковой работы и он совершенно перерождается на свободе. Здесь он господин своему положению. За гранью этого прииска он чувствует себя совершенно равноправным. Завтра его уже не будет будить и звать на работу в четыре часа утра приисковый колокол, звон которого он в детстве, в своей любимой, далекой теперь деревне понимал как набатный звон.

Теперь посмотрим на эту массу людей в пути к зимовью — этапу. Здесь мы не увидим ни запряженного экипажа, ни верхового всадника. Роскошь эта доступна разве какому-нибудь любимцу управляющего за шпионство или уж счастливцу, удачно торговавшему на прииске вином и без стеснения обиравшему своего же брата-товарища. Этот мог нанять лошадь у зимовщика, содержателя этапа, чтобы вывезти с прииска свою семью и имущество. Но в описываемое время люди эти были редки, и я их, как исключение, в расчет совсем не принимаю, тем более артель рабочих относилась к ним с пренебрежением, если не с ненавистью.

Сплошной вереницей идут рабочие по дороге; есть тут и семейные с малолетними и грудными детьми, которых несут их отцы или матери на подвязанных через плечо шалях или полотенцах, оберегая их, насколько позволяет им собственная изношенная одежда, от осеннего, резкого, холодного ветра. Отрадно видеть, как помогают утомившимся матерям нести ребятишек одинокие старики-бобыли, довольные возможностью разделить с ними этот труд, приласкать их и, насколько возможно, согреть в своих лохмотьях зябнувшего ребенка. Кто знает, может быть, теперь этому одинокому старику припоминается его собственное, такое незавидное, как и это, детство. Может быть, в это время ему на память приходит его собственная родная семья, оставленная в силу роковых обстоятельств судьбы давным-давно и где-то далеко, где у него был когда-то дом, хозяйство и все, что мило и дорого сердцу и к чему уже нет теперь возврата, кроме горьких, тяжелых воспоминаний.

Но вдруг взвилась и понеслась далеко по тайге, переливаясь эхом, прощальная песня нескольких молодых рабочих, и оживила она угрюмые лица отцов и матерей. Повеселели и старики, и как бы сама тайга в своем грозном величии, принимая песню как дань за приют этим бездомным людям, стала приветливее для них. Солнце, выглядывая из-за густых, тяжелых, осенних, свинцовых облаков, озаряло этих людей светлой полоской и обдавало их осенним теплом.

III

Приближается вечер. Зимовье-этап, расположенное по берегу мощной реки, красавицы Алтая, кругом построек окаймленное вековыми соснами, было полно народом. Казармы зимовья не вмещали всех прибывших рабочих. Несколько вдали от казарм и других построек на чистой просторной поляне, между ярко горевших и немилосердно трещавших костров, взад и вперед сновали люди, готовя себе незатейливый ужин. Слышалась гармоника где-то в углу площади и нестройная пьяная частушка лихача-сплавщика. И все это: и могучая горная река со своим немолчным рокотом, и вековые деревья, слившиеся с темнотой ночи своими вершинами, и, наконец, движение при неумолкаемом говоре и гуле массы людей — все это давало при ночном освещении какой-то чудный, фантастический, редко наблюдаемый вид.

Было свободно, легко и по-своему весело.

Только к рассвету на зимовье стихло, лишь река пела свою вечную песню, рокоча по камням, да ночью прибывшие с приисков стражники нарушали тишину, объезжая стан спящих и зорко наблюдая, чтобы не допустить к зимовью спиртоносов — этот бич приисков. Но что вино — вино будет и завтра, и все то, что можно купить за деньги и золото там, куда не проникнет бдительное око ни горной полиции, ни приисковой администрации. И будет ли так же мирно проведена следующая ночь? Кто знает, может быть, неумолимая жестокая смерть выбрала уже себе жертву из тех, кто мирно спит и видит во сне в последний раз милое прошлое детство и родную, нежно любимую, тоскующую по сыну мать.

Газета «Алтай», № 124, 7 июня 1914 г.